

Дмитрий Пожарский

Сказки для тех, кто ещё
умеет удивляться

Дмитрий Пожарский

Сказки для тех, кто ещё умеет удивляться

<https://litres.ru/74320629>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом сборнике собраны волшебные истории, которые вернут читателям любого возраста способность видеть необычное в обычном. Вместе с мальчиком Петей и его пушистым другом Удивляшкиным вы отправитесь в удивительные приключения: поможете Радуге снова научиться улыбаться, подружитесь с Тишиной, которая обрела голос, спасёте сны целого города, познакомитесь с китом, проглотившим звезду, и узнаете, почему так важно беречь то, что кажется привычным.

Каждая сказка — это маленькая философская притча, рассказанная легко и с юмором. Она учит ценить дружбу, время, мечту, внимание к близким и умение удивляться. Здесь фонари разговаривают, тени обижаются, а время путешествует на черепахе. Герои историй — и дети, и взрослые, и даже сумеречные существа — открывают простую истину: чудеса не исчезают, если о них помнить.

Сборник адресован детям от 6 лет, но будет интересен и их родителям, которые ещё не разучились верить в сказку.

Содержание

Предисловие	4
Удивляшкин и мальчик, который всё знал.	6
Как старая луна на пенсию уходила.	11
Путешествие Времени на черепахе.	16
Тишина, которая научилась говорить.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сказки для тех, кто ещё умеет удивляться

Предисловие

или несколько слов тому, кто открыл эту книгу
Здравствуй, дорогой читатель.

Не важно, сколько тебе лет -семь, десять, тридцать или семьдесят. Не важно, читаешь ты эти строки днём, закутавшись в плед, или ночью, с фонариком под одеялом. Важно только одно: ты открыл эту книгу. А значит, где-то глубоко внутри тебя всё ещё живёт тот самый человек, который умеет удивляться. Тот, кто, глядя на облако, видит не просто водяной пар, а дракона. Тот, кто слышит в шорохе листвы чей-то шёпот. Тот, кто верит, что под кроватью может прятаться не только пыль, но и маленькое чудо.

Эта книга -для тебя.

В ней собраны истории о мальчике Пете, который когда-то думал, что всё на свете можно объяснить, и о его необычном друге Удивляшкине -существе, которое питается человеческим удивлением. Вместе они научились видеть необычное в самом обычном: в радуге, которая разучилась улыбаться, в тишине, которая захотела говорить, в тени, которая обиделась и ушла, в ките, который проглотил звезду.

Эти сказки -не просто выдумки. Это карты сокровищ. Только сокровища спрятаны не на далёких островах, а совсем рядом: в улыбке незнакомца, в запахе дождя, в старой фотографии, в песне, которую напевала бабушка. Я писал их, чтобы напомнить себе и другим: чудеса не исчезают. Они просто ждут, когда их заметят.

Взрослым я хочу сказать отдельное спасибо. За то, что вы не отложили эту книгу, прочитав «для детей». За то, что вы всё ещё помните, каково это -верить в невозможное. Читайте эти сказки вместе с детьми, но не забывайте иногда читать их и для себя. Ведь внутри каждого взрослого живёт ребёнок, который когда-то умел летать во сне и разговаривать с тенями. Просто он заснул. Эта книга -попытка его разбудить.

А детям я хочу сказать: не торопитесь взрослеть. Не бойтесь задавать вопросы, на которые нет ответов. Не стесняйтесь удивляться. Удивление -это суперсила, которая делает мир ярче. И если вдруг однажды вам покажется, что всё вокруг серое и скучное, просто откройте эту книгу. На её страницах живёт Удивляшкин. Он обязательно поможет.

Устраивайся поудобнее. Бери с собой тёплый плед, чашку какао и, если получится, кого-нибудь, с кем можно разделить волшебство.

Приключение начинается.

Удивляшкин и мальчик, который всё знал.

В одном большом и очень умном городе жил мальчик Петя. Ему было семь лет, и он *всё знал*. Он знал, что лужи -это просто вода, что звёзды -просто раскалённые шары, а облака -просто пар. Петя никогда не спрашивал «почему?», потому что папа ему уже всё объяснил через интернет. Самым любимым словом Пети было «Понятно».

И вот однажды вечером, когда Петя сидел на подоконнике и думал о том, что день был обычным и понятным, с наружной стороны стекла раздался тихий стук. За окном, на карнизе седьмого этажа, сидело существо. Оно было похоже на пушистую подушку с большими глазами разного цвета - один жёлтый, как одуванчик, другой фиолетовый, как вечернее небо. У существа были смешные заячьи уши и хвост-спиралька, который сейчас уныло обвис.

Петя открыл окно. — Ты кто? Голограмма? Дрон? -спросил он деловито. — Нет, я -Удивляшкин, -существо вздохнуло, и его шёрстка стала серой. -Я питаюсь удивлением. Человеческим удивлением. Но, кажется, я опоздал лет на двести. Я облетел весь твой город, и никто не удивился. На меня смотрели в телефоны, сквозь меня и говорили «А, это просто глюк матрицы».

Удивляшкин всхлипнул, и на кончике его носа повисла маленькая радужная слезинка. Она упала на подоконник и проросла крошечным цветком, который тут же зазвенел, как колокольчик. — А это что? -Петя наклонился, и в его голосе впервые за долгое время проскользнула нотка интереса. — Это? Обычная сопля удивления. Не обращай внимания. Я, наверное, последний в своём роде... Остальные исчезли, когда люди решили, что всему есть логическое объяснение.

Петя хотел сказать «Понятно», но цветок зазвенел снова, и этот звук был похож на смех ручья. Мальчик поймал себя на мысли, что ему *непонятно*. И от этого стало щекотно в носу.

— Слушай, Удивляшкин... -начал он. -А если я попробую удивиться? Мне просто раньше было некогда. У меня кружок робототехники и программирования. Мы собираем робота, который пылесосит и объясняет квантовую физику.

Удивляшкин встрепнулся. Его уши встали торчком, а левый глаз засиял ярче. — Попробовать? Но для этого нужно смотреть не *на* вещи, а *сквозь* них, и видеть то, чего нет в учебниках. Хочешь, покажу?

И тут Удивляшкин сделал странную вещь. Он подпрыгнул и со всего маху шлёпнулся пузом на Петин письменный стол, прямо на кучу пластиковых деталек конструктора. Раздался не грохот, а мелодичный «БУМ-цвинь!», и деталишки вдруг ожили. Они начали собираться не по схеме, а сами по себе, образуя маленький механический цветок, который раскрыл

лепестки и выпустил струйку светящейся пыли. — Ой... -выдохнул Петя. — Чувствуешь? -прошептал Удивляшкин. -Это первая крошка удивления. Она горчит на языке? Нет? Значит, получается.

Петя почувствовал, как в груди у него что-то тепло расширяется. Как будто там надувают воздушный шарик. Он подошёл к своему роботу-пылесосу, который уныло стоял в углу, и вместо того, чтобы включить его, наклонился и прошептал ему в круглую шляпку датчика: «А тебе не скучно глотать одну пыль?» Робот мигнул лампочкой и вдруг чихнул облачком белой пыли, которая сложилась в воздухе в слово «ЧУТЬ-ЧУТЬ». Петя рассмеялся так звонко, что Удивляшкин подскочил и начал раздуваться, как воздушный шар. Его шерсть стала ярко-оранжевой, а хвост-спираль закрутился веселым пропеллером. — Фантастика! -воскликнул Удивляшкин с набитым ртом, хватая ртом воздух. — Это же чистое, незамутнённое удивление! Без ГМО! Без скепсиса и сарказма! Я уже сто лет так вкусно не ел!

И тут началось волшебство. Петя, ухватившись за пушистую лапу Удивляшкина, вдруг увидел свою комнату по-новому. Тень от лампы на стене напоминала не просто пятно, а портрет доброго дракона. Старые бабушкины шторы, если прищуриться, танцевали медленный вальс от сквозняка. А за окном, в луже у подъезда, отражалось небо, и Петя вдруг понял, что лужа -это не просто вода, а маленькое небо, упавшее на землю, по которому сейчас едет игрушечный грузо-

вик соседского мальчика, как огромный корабль по вселенной.

С каждым новым открытием Удивляшкин менял цвет: он был малиновым от восторга по поводу дождевого червяка, который в Петинной голове оказался «инженером подземных ходов»; он стал небесно-голубым от удивления перед обычным бутербродом, который Петя вдруг увидел как съедобный замок из хлеба, сыра и масла. — А знаешь, что самое удивительное? — сказал Петя под утро, когда они, уставшие, сидели на подоконнике. — Оказывается, мир совсем не понятный. Он только притворяется. А на самом деле он полон секретов. Как фокусник, который ждёт, когда его попросят показать фокус.

Удивляшкин, теперь размером с хорошего кота, сытый и сияющий всеми цветами радуги, блаженно пускал крошечные мыльные пузыри из левого уха. Каждый пузырик, лопаясь, издавал тоненький писк: «Почему?», «Зачем?», «А что, если?». — Ты спас меня, Петя, — сказал он. — И, кажется, я теперь надолго тут останусь. Если ты не против. Завтра можно поохотиться на удивление в ванной — я слышал, там в раковине живёт водяное эхо, которое отвечает на вопросы только если их пропеть. И ещё в холодильнике зимует кусочек полярного сияния... То есть, лампочка, конечно. Но это же неважно, как это называется по-научному, правда?

— Правда, — улыбнулся Петя. — Только ты мне потом поможешь перепрограммировать робота-пылесоса. Кажет-

ся, он теперь обижается, что я называл его просто пылесосом, а не Господином Великим Чистильщиком Межзвёздной Пыли.

На следующий день город накрыл лёгкий туман. Взрослые говорили, что это перепады давления. Но дети почему-то начали останавливаться у луж, улыбаться теням и спрашивать у облаков «Как дела?». А ещё в городе вдруг выросли странные цветы -те самые, что звенят колокольчиками. Ботаники разводили руками, а маленькая девочка с косичками сказала маме: «Это же удивительно!». И где-то на седьмом этаже сытый и счастливый Удивляшкин довольно икнул, выпустив облачко радужной пылицы.

Как старая луна на пенсию уходила.

Где-то в бескрайнем чёрном бархате ночи, в том месте, которое астрономы называют «малым космическим закутком», висела старая Луна. Она была не просто старая -она была заслуженная. Миллионы лет она работала главным ночным светильником, дирижировала Звёздным Оркестром, следила за приливами и терпеливо подставляла свой бок для романтических свиданий.

Но в последнее время Луна чувствовала себя неважно. Спина, точнее, обратная сторона, которую никто не видит, ныла. Кратеры ломило к перемене космической погоды, а серебряная пыльца, которой она посыпала сны, стала какой-то тусклой.

— Всё, — сказала она однажды своему соседу, старому созвездию Большой Медведицы. -Ухожу на пенсию. Хватит. Пусть молодые светят.

Большая Медведица, которая уже давно была на пенсии и целыми днями дремала, приоткрыла один звёздный глаз. — Дело хорошее, -проскрипела она. -Только предупреди Оркестр. Они без тебя сфальшивят.

Но Луна была так утомлена, что решила просто тихо исчезнуть на недельку. Поест лунного мёда, полежать в тём-

ной туманности, ни о чём не думать. И вот однажды ночью она просто... не взошла.

Сначала никто ничего не заметил. Люди внизу подумали, что облачно. Но на небе не было ни облачка. А Оркестр - все эти крошечные Звёзды-скрипки, Планеты-виолончели и Кометы-флейты -заволновался. Их дирижёр пропал! Они при-выкли, что Луна своим мягким светом задаёт тон, указывает, когда вступать Млечному Пути, а когда -падающей звезде с коротким, но ярким соло.

Без дирижёра началась полная неразбериха. Звёзды начали светить кто во что горазд. Одна зажглась посреди дня и перепугала воробьёв. Другая, наоборот, потухла и превратилась в чёрную дырочку, которая с хлопаньем втянула в себя заблудившийся спутник. Кометы, как флейтисты без нот, начали выписывать в небе такие зигзаги, что астрономы сбились с ног, выдвигая новые теории.

Внизу, в городе, где жил Петя, началась паника. Романтики не знали, подо что целоваться. Поэты не могли найти рифму к слову «тьма». Приливы сбились с ритма, и море обиженно ушло гулять в другую сторону, затопив прибрежное кафе «У дяди Краба». А маленький Удивляшкин, который как раз учил Петю видеть в сумерках фиолетовых светлячков, вдруг чихнул и сказал: — Что-то не так. Луны нет. И звёзды играют, как расстроенный рояль. Этак весь мир станет скучным!

Петя, который теперь носил на голове шапку-ушанку, по-

даренную Удивляшкиным (она усиливала способность удивляться), посмотрел в телескоп. — И правда. Надо что-то делать. Как нам связаться с космосом? — Через мечту, -сказал Удивляшкин. -Луна ведь питается не только светом, но и нашими мечтами. Если мы соберём много-много ярких, искренних желаний и отправим их вверх, возможно, она их услышит и вернётся. Или хотя бы пришлёт заместителя.

Тем временем Луна блаженствовала в туманности Андромеды, в спа-салоне «У Кольца Сатурна». Она завернулась в колечко пара, потягивала нектар из чёрной дыры (разбавленный метеоритной крошкой) и листала старый журнал «Космополитен». Но покой был недолгим. Внезапно в стену её бунгало что-то стукнуло. Потом ещё. И ещё. Это были... бумажные самолётики? Нет, мечты.

Мечты пробивали пространство и влетали к ней в окно, шурша крыльями. «Я хочу увидеть море под луной», -было написано корявым детским почерком. «Мечтаю поцеловать её при лунном свете», -значилось на другом, более взрослом. «Пусть Луна вернётся, а то я забыл, как выглядит моя тень», -требовал третий. Сотни, тысячи мечтаний, и все о ней.

Луна вздохнула. Кратер под названием «Море Спокойствия» налился влагой. — Вот же неугомонные, -проворчала она, но в голосе слышалась нежность. -Ну как без меня справятся...

Она торопливо свернула процедуры, натянула своё серебряное платье и поспешила обратно. Но когда она вернулась,

то увидела нечто неожиданное. Оркестр не просто фальшивил. Им уже дирижировал кто-то. Маленькая, новенькая Луна, совсем юная, с тонким, как лепесток, серпом. Она отчаянно махала лучиками, пытаясь навести порядок, и у неё даже немного получалось. Звёзды, правда, строились в форме вопросительного знака, но хотя бы не гасли.

— Это что за самозванка? -ахнула старая Луна. — Простите, -пропищала малышка, увидев настоящую хозяйку. -Я -Лунётта, стажёрка с Факультета Ночных Светил. Меня прислали на практику, когда вы пропали. Я старалась, но у меня нет опыта...

Старая Луна грозно нависла над ней всем своим полным диском. Лунётта съёжилась до тоненького месяца. Но старая Луна вдруг улыбнулась. Она увидела, как аккуратно та поставила несколько звёзд в форме цветка, а одну, самую робкую, ободряюще подмигнула ей лучиком. — Знаешь, -сказала Луна, -я, кажется, поняла. Уходить на пенсию совсем -глупо. Но работать без выходных, пока не рассыплешься в кратерную пыль, -тоже. Давай-ка, Лунётта, будем светить по очереди. Ты -по четвергам и в дни школьных каникул. А я -во все остальные, но с перерывами на лунный чай.

Лунётта радостно засияла. Оркестр, услышав знакомую властную ноту, подтянулся. Старая Луна взмахнула лучиком, и звёзды заиграли такую небесную симфонию, что даже старые астрономы прослезились, а поэты немедленно сочинили стихотворение «Лунный дуэт».

Внизу, на Земле, Петя и Удивляшкин увидели, как на небе зажглись сразу две Луны: большая, уютная, тёплого жёлтого цвета, и рядышком - маленькая, озорная, серебристо-голубая. Они перемигивались, как бабушка и внучка. — Удивительно! -выдохнул Петя. — Потрясающе! -икнул Удивляшкин и от удивления стал фиолетово-золотым в клеточку. - Оказывается, даже пенсия может быть такой красивой!

С тех пор каждую неделю в небе можно увидеть две Луны. Взрослые, конечно, говорят, что это оптическая иллюзия или преломление света в атмосфере. Но дети-то знают: просто кто-то научился отдыхать, не бросая тех, кому нужен твой свет.

Путешествие Времени на черепахе.

Всё началось с того, что Время обиделось. Это случается с ним примерно раз в тысячу лет, но именно в этот раз - совпало с четвергом.

Время было существом чрезвычайно занятым. Оно носилось по миру с огромным рюкзаком, набитым секундами, минутами, часами, и раздавало их всем подряд. Шустрым оно сыпало быстрые секунды-иголки, соням -тягучие минуты-ириски, а влюблённым -особые часы, которые умели растягиваться в вечность. Но люди вечно жаловались. Одним Времени не хватало, у других оно «тянулось, как жвачка». «Ты слишком спешишь!», «Ты ползёшь как улитка!», «Куда ты дел мой выходной?» -неслось со всех сторон.

Время, у которого на самом деле было очень чувствительное сердце-ходики, ужасно устало. И однажды, стоя на башне с часами в том самом городе, где жил Петя, оно топнуло ножкой (отчего часовая стрелка подпрыгнула и показала «без четверти никогда»), швырнуло рюкзак с секундами на облако и сказало: — Всё! Я в отпуск. Пусть кто-нибудь другой раздаёт эти колючие секунды. Я хочу медленно. Я хочу никуда не спешить. Я хочу... попробовать быть Вечностью!

Но Вечность -дама серьёзная. Она сидела на краю вселенной, вязала бесконечный шарф из Млечного Пути и даже не заметила бы пропажи Времени, если бы оно само не заяви-

лось к ней в гости. — Тётушка Вечность, -выпало Вре-
мя, запыхавшись (хотя для Вечности «запыхавшись» звуча-
ло как «тик-так»). -Присмотри за часами, пока я отдохну. Я
отправляюсь в кругосветное путешествие.

Вечность медленно, очень медленно подняла глаза. Пока
она моргала, на Земле успел родиться и умереть папорот-
ник. — Путешествие? -переспросила она голосом, похожим
на шорох падающих звёзд. -На чём же? — На черепахе! -
гордо сказала Время. -Это самое медленное средство пере-
движения. Я хочу почувствовать, каково это, когда тебя ни-
кто не подгоняет.

Вечность слабо улыбнулась. Ей, для которой миллион лет
был одним вдохом, идея показалась забавной. Она взяла у
Времени служебный секундомер, контрольный будильник и
связку ключей от всех часов мира. — Хорошо, -прошелесте-
ла она. -Иди. Я справлюсь. Только... не опаздывай обратно.
У меня шарф не закончен.

Время радостно спустилось на Землю и нашло самую ста-
рую, самую мудрую морскую черепаху по имени Харибда.
Харибда как раз дремала на пляже, и ей снился один и тот
же сон уже лет двести. — Уважаемая Харибда, -обратилось
к ней Время. -Не подбросите ли меня вокруг света? Чере-
паха открыла один глаз. Потом, спустя полчаса, второй. —
Конечно, -проскрипела она. -Залезай. Я как раз собиралась
прогуляться. Лет эдак через пятьдесят.

Время взобралось на панцирь, покрытый древними узо-

рами и мхом, и они тронулись в путь. Черепаха двигалась с величественной скоростью - примерно полметра в день, если не забывала, куда ползёт. И знаете что? Время вдруг почувствовало себя абсолютно счастливым. Оно впервые в жизни видело, как распускается цветок - не в ускоренной перемотке, а по-настоящему, лепесток за лепестком. Оно заметило, как тень от дерева передвигается с востока на запад, как муравей тащит травинку, как облака медленно лепят из себя драконов. Время плакало от восторга (каждая слезинка падала раз в час) и говорило: «Боже мой, как я раньше не замечало эту красоту! Я ведь само себя обкрадывало!»

Тем временем на Земле, в городе Пети и Удивляшкина, начали твориться очень странные вещи. Вечность честно взялась за работу. Она завела все часы, но сделала это на свой лад. Секунды вдруг стали... резиновыми. Одна секунда могла длиться целый школьный урок, а следующий час проскакивал за миг, как будто его и не было.

Люди растерялись. Петя проснулся утром, почистил зубы - это заняло три дня по ощущениям. Но когда он вышел на кухню, завтрак уже остыл и покрылся пылью веков, хотя мама утверждала, что приготовила его минуту назад. Школьный автобус то приезжал на остановку вчера, то не приезжал вовсе, а однажды приехал позавчера, и водитель сказал, что ждёт уже целую вечность. Учительница поставила Пете двойку за то, что он не ответил урок, который ещё не задавали.

Удивляшкин, питавшийся удивлением, сначала был в восторге: такой концентрации абсурда он не видел с момента изобретения будильника. Но потом заметил, что Петя, как и все вокруг, стал не просто удивлённым, а несчастным. Люди не понимали, когда им обедать, когда спать, когда радоваться. Время, которое раздавали, было невкусное, пресное, как перемороженное мороженое. Оно не грело и не торопило, оно просто... было. И это оказалось страшнее всего.

— Так дело не пойдёт, -сказал Удивляшкин, когда в квартире одновременно наступили вечер, утро и послезавтра. -С Временем что-то случилось. Надо его вернуть.

Он вытащил из своего волшебного уха старый компас, который показывал не стороны света, а направление по временной линии. Стрелка бешено крутилась, но наконец замерла, указывая в сторону моря. — Оно в отпуске, -прошептал Удивляшкин. -И, кажется, ползёт на черепахе. Догоняем!

Петя и Удивляшкин оседлали робота-пылесоса, которого Петя с прошлой сказки переименовал в Господина Великого Чистильщика и научил летать на удивлении. Они помчались над океаном и вскоре увидели внизу, на крошечном островке, черепаху, а на ней -Время. Оно сидело в гамаке из паутины, попивало кокосовое молоко и мурлыкало песенку без темпа.

— Время! — закричал Петя, спрыгивая. -Там всё сломалось! Вечность заведует часами, но у неё всё через пень-колоду! Время нехотя приоткрыло один глаз (точь-в-точь как

Харибда). — Ах, оставьте меня. Я отдыхаю. Я познало дзен. Мне больше не нужно никуда бежать. Пусть Вечность поработает. — Но люди плачут! -возмутился Удивляшкин. -Они не могут удивляться, потому что не знают, когда удивляться! Удивлению нужен ритм, как в музыке: сюрприз -пауза -сюрприз. А сейчас сплошная пауза!

И тут Время задумалось. Оно представило, как дети ждут дня рождения, а он не наступает, потому что Вечности безразличен календарь. Как старики хотят увидеть внуков вовремя, как пирог подгорает в духовке, которая забыла, что такое «тридцать минут». — Да, -тяжело вздохнуло Время. -Я -эгоист. Я думало только о своей усталости, а ведь я нужен людям. Но я так не хочу обратно в эту безумную гонку!

И тут заговорила черепаха Харибда. Она говорила редко, но метко. — Слушай, Время, -проскрипела она, -вовсе не обязательно нестись как угорелое или ползти как я. Можно ведь просто идти шагом. У шага есть ритм, но он не изматывает. Почему бы тебе не чередовать скорости? Иногда быстро, иногда медленно? Как музыка: где-то аллегро, где-то адажио.

Время ахнуло. Эта простая мысль, рождённая черепахой, была гениальной. Оно и Петя, и Удивляшкин, и черепаха вернулись в город. Вечность, увидев Время, молча отдала ему секундомер и ключи от часов, улыбнулась и исчезла, оставив на память кусочек бесконечного шарфа. Время встряхнулось, щёлкнуло пальцами, и все часы в мире пошли

снова -но теперь как-то по-новому. Они не тикали судорожно и не замирали. Они шли, как спокойное сердце: тук... тук... тук...

С тех пор Время работает иначе. Утром, когда нужно спешить в школу, оно бодрое и быстрое, как ручеёк. А вечером, когда пора читать книжку под одеялом, оно течёт медленно, как мёд. А в отпуске -вместе с нами садится на черепаху, и тогда дни становятся длинными-предлинными, полными солнечного света и удивления.

Удивляшкин одобрил. Петя стал лучше понимать, когда нужно торопиться, а когда можно просто смотреть на облака. А черепаха Харибда получила звание «Почётного советника по Темпоритму» и теперь иногда подрабатывает, разнося особо важные секунды -те, которые нужно доставить не спеша, но точно в срок.

Тишина, которая научилась говорить.

В Старой Городской Библиотеке, где книги пахли ванилью и временем, а солнечные лучи падали на пол так осторожно, будто боялись разбудить пыль, жила Тишина. Она была не просто тишиной -она была Главным Библиотекарем Молчания. Это означало, что именно она следила, чтобы в читальном зале никто не шуршал фантиками, не скрипел стульями и не чихал слишком громко. Тишина была глубокой, мягкой и бархатной, как старое кресло. Её никто никогда не слышал, но все чувствовали. В её присутствии даже мысли начинали ходить на цыпочках.

Вторым стражем библиотеки было Эхо. Если Тишина отвечала за то, чтобы звуков не было, то Эхо отвечало за то, чтобы звуки -если уж они появлялись -жили красиво. Оно подхватывало случайный кашель и превращало его в раскатистое «А-а-апчхи-и-и-и», которое кружилось под сводчатым потолком, как голубь. Эхо было старым, немного ворчливым, но очень преданным библиотеке. Оно считало себя последним Хранителем Правильной Акустики.

Тишина и Эхо идеально дополняли друг друга. Как чёрное и белое, как ночь и луна. Эхо создавало многоголосие, а Тишина ставила в нём паузы -те самые, без которых музыка

превращается в шум.

Но однажды случилось странное.

В тот день в библиотеку привезли новые книги. Они были яркие, с глянцевыми обложками, и среди них затесалась одна странная книжица без названия, вся исписанная от руки. Её положили на стол для редких изданий, прямо под нос Тишине. Тишина, которая любила читать (про себя, разумеется), наклонилась поближе, чтобы рассмотреть буковки. Она водила пальцем по строчкам, неслышно шевеля губами, и вдруг -ОЙ! -вдохнула облачко книжной пыли. Пыльца была волшебная: то ли остатки чьей-то недосказанной сказки, то ли споры болтливого фолианта. Тишина чихнула.

И вместе с чихом из неё вырвался звук. Самый первый в её жизни звук. Он был похож на «Тсс-с-с-апчхи!».

Эхо, дремавшее под потолком, подскочило: — Кто это сказал?! -пронеслось под сводами. -Кто нарушил молчание в моём зале?

— Я, — прошептала Тишина, и её шёпот прозвучал как лёгкий ветерок. -Ой, я сказала. Я умею говорить!

И тут началось. Тишина, которая веками молчала, вдруг обнаружила, что у неё есть голос. И ей страшно понравилось. Она начала комментировать всё подряд. Читателя в смешной шляпе назвала «одуванчиком». Проходящему студенту подсказала ответ на билет по истории. Сделала замечание книге, которая неправильно лежала: «Бедняжка, перевернись!». В библиотеке поднялся невообразимый переполох.

Книги, услышав человеческий (ну, почти) голос, начали перешёптываться, пересказывая друг другу свои сюжеты. Слова из разных томов путались. Из кулинарной книги выпрыгнул рецепт борща и приземлился в детектив, отчего сыщик внезапно начал варить суп вместо поиска улик. Сказки перемешались с энциклопедиями, и динозавры получили волшебные палочки.

Эхо металось под потолком. Оно пыталось подхватывать слова и уводить их в купол, чтобы хоть как-то упорядочить хаос, но Тишина болтала без умолку. Она радовалась каждой фразе, как ребёнок новой игрушке. — Я столько лет смотрела на мир и не могла ничего сказать! -воскликнула она. -А теперь я хочу петь, рассказывать анекдоты и читать лекции!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.